

нием, расцвеченным цветами, и создавшего „душу словесную“ человека — „великого мира малое изображение“.¹

В заключение грамота приводит деление художников на шесть „чинов“ по степени их умелости, заимствованное у Григория Богослова, и указывает меры, которые должны быть осуществлены правительством для поддержания искусства в состоянии, отвечающем его интересам. При этом можно отметить следующее. Грамота находит нужным оговорить, что она имеет в виду не только тех, кто исполняет иконы, но и тех, кто пишет „мирские вещи“. Грамота говорит, следовательно, об искусстве вообще — и религиозном и светском — и предлагает государственное регулирование всей художественной деятельности. Однако речь идет при этом только об искусстве, так сказать, высоком. Она отличает живописцев, пишущих иконы и „мирские вещи“ (под которыми подразумевает, повидимому, исторические изображения и портреты), от мастеров, пишущих „простые вещи“ — дело, с ее точки зрения, недостойное первых. Грамота запрещает попрекать художников их деятельностью, привлекать их наравне с посадскими людьми к несению служебных повинностей и понуждать их писать „простые вещи“: „и никто ни дерзнет в достойной их хитрости укоряти и со гражданством в служении всяком счисляти и понуждати и простых вещей писати, да не примут на ся клятвы“.²

Передавать содержание царской грамоты 1669 года, подтверждающей грамоту трех патриархов, нет надобности, поскольку ее рассуждения о значении искусства представляют собою сокращенное изложение последней, написанное, впрочем, лучше отдельных мест этой грамоты. Небольшие дополнения в доводах, сделанные при этом, не содержат в себе каких-либо новых мыслей.

Мы не станем излагать также и содержания пространной записки Симеона Полоцкого. В таком усложнении нашего очерка нет надобности. Сделаем только несколько замечаний. Записка Симеона Полоцкого, затрагивая тот же вопрос о состоянии современного ей иконописания, отличается от обеих грамот ходом рассуждений и более узким взглядом. В ней встречаются доводы, использованные и в „Слове“ Симона Ушакова и в грамотах, однако в целом у Симеона Полоцкого своя аргументация. В отличие от „Слова“ и в еще большей степени от грамоты, в рассуждениях Симеона Полоцкого об искусстве (главным образом об иконописи в собственном смысле слова) виден богослов и деятель церкви. Но и он ставит вопросы, касающиеся искусства вообще, и его рассуждения об искусстве содержат те же мысли и те же основные положения, что и указанные памятники письменности. Некоторые же из его доводов существенно дополняют рассуждения последних и разъясняют новые стороны во взглядах на искусство в XVII в. Этими доводами записки Симеона Полоцкого мы и воспользуемся, изложив их в своем месте.

„Слово“, написанное Симоном Ушаковым, и обе грамоты также, конечно, в значительной степени проникнуты богословскими идеями — это произведения средневековой мысли. Но нас указанная сторона рассматриваемых сочинений занимать не будет. О связях средневекового, в частности древнерусского, искусства с религией говорилось и писалось очень много; кстати заметить, значение этой важной связи сильно преувеличивалось, о чем нам представится случай сказать

¹ Там же.

² Там же, стлб. 325.